

Игорь Чесноков

НЕ ДЛЯ ТАКОГО ЛИ ВРЕМЕНИ?..

**ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ**

УДК 274/278
ББК 86.376
Ч51

Ч51 **Чесноков, Игорь**
Не для такого ли времени?.. / Игорь Чесноков. — Заокский :
Источник жизни, 2017. — 160 с.

ISBN 978-5-86847-987-8

В эту книгу вошли три повести: «Потоп», «Не для такого ли времени?..» и «Ниневия». Эта книга дает возможность приоткрыть завесу истории и ярче представить себе знакомые библейские сюжеты.

УДК 274/278
ББК 86.376

ISBN 978-5-86847-987-8

© Игорь Чесноков, 2017
© Издательство «Источник жизни», 2017

Содержание

ПОТОП	5
------------------------	---

Повесть

НЕ ДЛЯ ТАКОГО ЛИ ВРЕМЕНИ?..	61
--	----

Повесть

Астинь	62
«Хадасса».	69
Заговор	73
Аман	78
Тревога	81
«Если погибнуть — погибну»	85
Спасение	92

НИНЕВИЯ	99
--------------------------	----

Повесть

<i>Глава I. Распутье</i>	100
<i>Глава II. Море</i>	110
<i>Глава III. Берег</i>	119
<i>Глава IV. В Яффе</i>	123
<i>Глава V. Дорога</i>	131
<i>Глава VI. Ниневия</i>	138
<i>Глава VII. Покаяние</i>	149

ПОТОП

Повесть

«Вспомни дни древние, помысли о летах
прежних родов» (Втор. 32:7).

Предисловие

Всемирный потоп. Кто не слышал об этом глобальном катаклизме? Рассказ о нем содержится в книге Бытие Священного Писания.

Не все, однако, принимают его. Недоверчивое человечество, особенно научный мир, требует явных, зримых доказательств потопа. Их ищут. И, как сообщается в прессе, находят. Известный итальянский путешественник Марко Поло, который жил в XIII—XIV веках, в своей книге впервые дал подтверждение библейскому рассказу о ковчеге, в котором спаслись во время потопа Ной и его семья, а также звери, скот, птицы. Марко Поло говорил с людьми, которые в точности указали место на горе Арарат, где находится ковчег. Ведь и по Библии именно там оказался он, когда сошла вода. С тех пор люди множество раз слышали свидетельства тех, кто взбирался на склон горы на четырехкилометровую высоту и видел там ковчег.

В 1916 году по донесению русского военного летчика В. Росковицкого, наблюдавшего с аэроплана на склоне Арарата «лежащее большое судно», российское правительство организовало экспедицию. Ее участники утверждали, что нашли ковчег, обследовали его и сфотографировали. Но, к сожалению, во время революции все материалы экспедиции были утрачены.

Такая же судьба постигла и оригиналы снимков ковчеге, сделанных в 1953 году с вертолета американским нефтяником Джорджем Джефферсоном Грином. Это были шесть четких фотографий большого судна, вмерзшего в лед. Они исчезли спустя девять лет после смерти Грина.

В 1955 и 1969 годах Фернан Наварр не только отыскал на склоне Арарата на высоте 4,3 километра древний корабль,

но и извлек из льда Г-образный брус и несколько досок обшивки. Радиоуглеродные анализы, которым они были подвергнуты в трех местах, дали неодинаковые результаты. Но если в США определили, что им было 1400 лет, то в Мадриде и Бордо анализ показал пять тысяч лет, что практически соответствует свидетельству Ветхого Завета.

В газете «Дейли Телеграф» от 13 сентября 1965 года были опубликованы фотографии склона горы Арарат, сделанные из космоса. На них ясно различаются очертания судна. Некоторые ученые утверждают, что и другие снимки, хранящиеся в секретных досье спецслужб США, дают практически полное представление об араратском ковчеге, длина которого определена в 152 метра, высота — 25 метров, а ширина — 15,2 метра. Это согласуется и с библейскими данными.

Явными для ученых должны бы быть и следы глобального наводнения, которых великое множество по всей земле. Так что у любого здравомыслящего человека вряд ли найдется место сомнениям относительно истинности библейского повествования о всемирном потопе.

Что касается христиан, то они свято верят библейским свидетельствам. Ведь многие из таких свидетельств уже подтверждены историей, археологией и другими науками, да и самой жизнью. Нет у христиан сомнений, разумеется, и в том, что был на земле потоп, о котором рассказывает Библия. На основании ее краткого повествования можно представить себе и подробнее этот трагический эпизод жизни человечества.

Почему бы это не могло происходить, например, так...

I

Ослепительная вспышка неведомого голубого огня заставила вздрогнуть Ноя, с открытыми глазами покоившегося на своей лежанке. Его тревожные думы мгновенно пресеклись этим взблеском. Старик поспешно поднялся. С новой вспышкой он успел заметить, что пробудились все его домочадцы — и жена, и сыновья с невестками. Недоуменные, испуганные лица высветил этот загадочный и мгновенный свет. Судорожно нащупав босыми ногами сандалии, Ной двинулся в сторону выхода, но, сделав два-три шага, остановился: внезапно сверху обрушился невообразимо оглушительный грохот, какого никогда не доводилось слышать. Завизжали в ужасе невестки, запричитала жена Ноя. У старика гулко заколотилось сердце.

Утихая, грохот укатился куда-то вдаль.

— Господь, не иначе Твои кары... — ошеломленно пробормотал Ной, устремив глаза вверх, в непроглядную тьму почти глухого помещения. Снизу слышались встревоженные ржание, лай, кудахтанье, рев, клохтанье, завыванье...

— Что это, отец? — дрожащим голосом спросил Иафет, младший сын.

— Божий гнев это, — в волнении молвил старик.

— Вы... выходит, началось? — предположил Сим.

— Похоже, пришла пора сбыться Божьим обетованиям, — горячим шепотом заговорил Ной, — семь дней миновали. Начинается! Начинается то, к чему я готовился все эти сто двадцать лет!

Энергично зашуршало сено, это сыновья поспешно поднимались с постелей, шарили руками по доскам пола в поисках обуви.

— Неужели и впрямь это начинается? — словно не веря, пробормотал Хам. И вдруг он выкрикнул:

— Отец, это начинается?

Зашевелились на своих лежанках и женщины, вставая, но они не знали, однако, что надлежит им делать в этом случае. Шел

седьмой день пребывания семьи в этом новом для всех них жилище — в огромном деревянном осмоленном снаружи и изнутри судне-ковчеге, где восемь человеческих душ и сотни зверей, птиц, животных — диких и домашних оказались запертыми в ожидании потопа.

Потопа! Но ослепительные вспышки, проникшие в их жилое помещение через узкие воздушные окна наверху под самой крышей, и едва ли не раскалывающий голову грохот — это что?

Вот вновь сверкнуло, и опять все содрогнулось от сверхъестественно мощного грома. И — странное дело — затихло вдруг все зверье во чреве ковчеге. Смолкли люди, пораженные происходящим. Ной ощутил, как стали горячими глаза от неожиданных слез. Не обманул его Бог — вот что могло означать начавшееся светопреставление. Не обманул Господь его, Ноя. А стало быть, и он, Ной, не обманул людей. Тех, кто рядом с ним, и всех тех, кто, наверное, сходит сейчас с ума от ужаса в своих домах и дворцах, спрашивая в панике друг у друга: «Что это? Что же это?».

Невольно Ной всхлипнул. Бедные, несчастные люди! Все, все, кто вне ковчеге. Все они, не поверившие ему, не поверившие Богу.

Ной плакал, стоя там, где застиг его грохот. Сколько их таких? Весь мир! Все, все, исключая лишь его, Ноя, и еще семерых членов семьи, оказались под Божьим гневом. О, это невыносимо!

Не в силах больше сдерживаться, Ной разрыдался. Впервые в жизни. Захлюпали носами и завыли в голос невестки.

Немного успокоившись, старик побрел, расставив руки, словно слепец, туда, где должна была находиться лестница, ведущая к окнам под кровлей. Он не может теперь сидеть в неведении, как сидел целую неделю. Он должен видеть, что там.

Когда Ной взбирался по лестнице к узкому окну, которое длинной щелью высотой почти в локоть тянулось с промежутками вдоль всего ковчеге, он услышал какие-то мягкие, дробные удары по крыше, прямо над головой. Они, словно дробь барабана, стучали все чаще. И когда, добравшись до верха, Ной недоуменно уставился в темноту за окном, ощутив влажное про-

хладное дыхание вольного воздуха, кровля уже звучала многими бубнами, по которым колотили сотни, тысячи пальцев.

— А это что же? — озадаченно прошептал старик.

Новая вспышка своей внезапностью и яркой пронзительностью едва не откинула его с лестницы. В этом бело-голубом сиянии Ной успел заметить, как на крышу ковчега падают сверху крупные капли воды: неисчислимое множество капель уже стучало по дощатой кровле.

«Что же это? Откуда вода?» Старик был совершенно сбит с толку тем, что открылось его взгляду. Ни он, ни его предки прежде никогда не видывали воды, которая падала бы с неба, не говоря уже о грохоте и огненных вспышках. Когда-то давно детям рассказывали байки о том, что роса, питающая влагой зелень, — это-де упавшая ночью с неба вода. Но никто никогда не видел, чтобы она и впрямь падала. И только ли на ковчег льется эта вода или же и на дороги, виноградники, рощи и вообще на все вокруг? Этого не мог бы узнать Ной даже при вспышках неведомого синего огня. Окна устроены таким образом, что увидеть можно было лишь частичку неба. Но только на минуту предположил Ной, что вода падает лишь на эту крышу. Конечно же, она обливает сейчас все вокруг!

Заскрипела лестница. К окнам взбирались сыновья.

— Что здесь, отец? — в трепете прошептал Сим, оказавшись рядом с Ноем. — О! Это же вода! — пораженно воскликнул он, ощутив влагу на лице.

— Вода падает на крышу? — не поверил Иафет. Новая вспышка с неба показала всем, что и впрямь от воды, от ее бесчисленных тугих струек гудела кровля. Новый взблеск и грохот, от которого, казалось, вот-вот расколется череп, смел вниз всех Ноевых сынов. Сам же старик уцепился онемевшими от напряжения пальцами за планку окна и стоял, зажмурив глаза, ни жив ни мертв.

Опять завывало, заблеяло, заревело внизу, слышались снова женские вскрики. Сыновья вновь отважились подняться к окну, и четверо мужчин, сплотившись, стояли на ступеньках лестницы, с трепетом внимая незнакомому шуму падающей сверху воды.

— Вот оно, сыны, — потрясенно вымолвил Ной, — начало конца!

 II

Топор, певуче звенящий, удар за ударом врубался в толстый брус. Вековой кипарис поддавался с трудом.

Но вот секира почти перестала врубаться в дерево — притупилось бронзовое лезвие.

Ной, могучий седобородый старик, достал из-за пояса точильный камень. И тут его острый еще слух различил среди перебранки топоров и птичьих трелей иные звуки — отдаленный топот. Ной огляделся. С лесов хорошо видна была вся залитая солнцем долина Поющего ручья с изумрудными переливами листвы виноградников, с тенистой персиковой рощей, примыкавшей к стройке, и с темными зарослями высоких кипарисов за грядой нескольких пологих гор, в которые долина упиралась на севере.

От кипарисовых зарослей к стройке по дороге среди цветочных лугов тащились две упряжки волов с длинными бревнами на спаренных повозках.

Топот доносился от виноградников, и Ной заметил наконец цветастую косицу — вымпелок на поднятом копье, словно на мачте плывущего в изумрудных волнах кораблика. Он разглядел и трех конников, что скакали по невидимой дороге среди виноградников от города с его белоснежными постройками, обнесенными серокаменной стеной.

Дорога мимо этой стройки Ноя и Поющего ручья пролегла к кипарисовым зарослям. А далее она вводила в Бадгургурру, город медных дел мастеров. Туда направлялись обычно тяжелые повозки, запряженные волами, либо крестьянский и мастеровой люд верхом на ослах.

Всадники, топот чьих лошадей услышал Ной, могли направляться тоже скорее всего туда. «Но отчего столь спешно? — удивился старик. — Разве до самого Бадгургурру, путь к которому не один день, смогут они где-либо сменить лошадей? Впрочем, это их забота», — решил Ной и принялся точить топор.

Но не успел он и дюжины раз коснуться точилом лезвия, как вновь пришлось прерваться.

— Отец! — послышался снизу голос Сима, старшего сына. — Здесь тебя спрашивают.

Выходит, конные спешили не в Баддургурру. Ной взглянул вниз. Там, на засыпанной стружками площадке, где трудились на разделке бревен три его сына, нетерпеливо переступали с ноги на ногу и похрапывали горячие рысаки. Три всадника в голубых рубахах с широкой белой перевязью через плечо могли быть только царскими слугами.

— Кто меня спрашивает? — громко осведомился старик.

Прервался постук топоров.

— Эй, Ной, слушай мои слова, — крикнул возбужденный скачкой всадник с косицей на верхушке копья, — сюда скачет царь, владетель всей земли Фарры, сияющий в славе, несравненный, могущественный Убурратум. — Посланец указал плетью на солнечные часы, устроенные рядом с площадкой: — Не успеет солнце пройти и четверти доли, как царь будет здесь!

Диковато сверкнув глазами, всадник взмахнул плеткой, гонцы развернули коней и поскакали туда, откуда появились.

Ной отложил топор, по узким лесенкам спешно спустился вниз.

Подошли сыновья, по пояс обнаженные. Их загорелые торсы лоснились от пота.

— Что это, отец? — встревоженно спросил Иафет.

Ной пожал плечами:

— Скоро узнаем. Но не думаю, что нам везут награду.

— Ты спокоен, отец, — заметил Хам, — а это значит, что и нам тревожиться нечего.

— Продолжайте работать, — бросил Ной и поспешил к ручью. Прозрачные его струи выбегали, журча, из-под строения.

Старик, скинув рубаху, ополоснул лицо, руки, грудь. Огромное строение, над которым трудились семья Ноя и несколько работников, стояло над ручьем самой своей серединой. Упрятанному в овражек ручью оно ничуть не мешало, и выбегал он из тьмы из-под засмоленного дерева таким же безмятежно поющим своими переливами, каким и нырял в двух сотнях шагов выше, в этот искусственный грот.

Жена сошла к ручью, неся глиняное блюдо, полное зеленой снеди.

— Царь едет сюда, — озабоченно бросил Ной.

Жена остановилась.

— Ох, а у нас здесь нет достойной его посуды.

— Не для трапезы он к нам, полагаю, — усмехнулся Ной.

— Для чего же?

— Приедет — узнаем, — озабоченно нахмурился старик.

Ветерок донес издали топот копыт, и Ной спешно юркнул в шатер. Там он сноровисто облачился в нарядную долгополую рубаху с узором, шитым по округлому вороту, длинному подолу и коротким рукавам, опоясался широким полосатым кушаком и вышел навстречу подъезжавшим всадникам.

Не менее сотни конников остановилось перед стройкой. Подбежали и примчавшиеся вслед за царской кавалькадой любопытные.

Впереди всех на блестящем белом рысаке восседал царь. Его пышное пурпурных оттенков одеяние дополняли увитый цветами округлый головной убор, плетеные с разноцветными бусинами ремешки сандалий. Пестрые ленточки, вплетенные в завитую колечками рыжую бороду, завершали картину великолепия властелина.

Уперев руки в бедра и сооротив скептическую гримасу, он разглядывал строение. Ной смиренно, с достоинством поприветствовал царя.

— Эй, Ной, — заговорил громко и напыщенно важный всадник, восседавший на коне справа от царя. — Сияющий в славе, несравненный, могущественный царь земли Фарры Убурратум наслышан о твоей стройке. О ней давно толкуют разное и в городе, и на виноградниках, и у переправ. Сияющий в славе пожелал сам лицезреть ее. А теперь объясни нам, что ты надумал построить здесь?

Ной неторопливо поклонился.

— О могущественный царь Убурратум, я ни от кого не скрываю, что строю ковчег.

— Хм, для чего же тебе такой умопомрачительно большой ковчег?* — удивился царедворец. — Что ты станешь хранить в нем?

* Имеется в виду, что ковчегом называли сундук

— Хранить?.. — Ной слегка замялся. — Мне велено сохранить в этом ковчеге жизнь, — тихо и торжественно промолвил старик, — чтобы не угаšla она вся при потопе. Ибо, когда вода затопит землю, ковчег всплывет.

Послышались перешептывания среди всадников и зевак. Царедворец изумленно повел головой.

— И что же, Евфрат выйдет из берегов или, быть может, этот ручей превратится в море? — издевательски осведомился спутник царя.

— Это мне неизвестно, — молвил Ной.

Царь молчал и лишь жестко щурил глаза.

— И кто же повелел тебе строить этот ковчег, чтобы сберечь в нем жизнь? — допытывался царедворец.

— Бог.

Наступила напряженная тишина. Безмолвно стояли за спиной старика его сыновья, жена и работники. В их глазах можно было заметить тревогу. Этот визит, эти расспросы выглядели странно. И в городе, и в окружающих его окрестностях давным-давно знали, что и зачем строит Ной. И предположить здесь можно было лишь одно: царь и его спутники приехали сюда развлечься, пошутить над новой затеей, как уже смеялись многие.

— Бог — ты говоришь? — продолжал царедворец. — Кто же Он, твой Бог?

— Бог Яхве, Господин и Отец всех нас, — указал глазами на небо старик.

— Он... что же, приходил к тебе?

— Бог являлся мне в видениях, беседовал со мной.

— О чем?

— О чем? О многом, — Ной слегка нахмурился. — Более всего Бог сокрушается из-за наполнившего землю зла. Напомнил, что человек был сотворен Им не таким, но он сам выбрал путь непослушания Отцу, Создателю. И что скоро люди могут погубить все живое, землю и себя самих войнами, вырождением...

Старик замолк. Некоторое время слышны были лишь безмятежное журчание Поющего ручья, беспечные птичьи трели

да скрип колес двух подъезжавших к стройке повозок. Пофыркивали лошади. Трубный зов слона донесся из персиковой рощи.

Все так же загадочно помалкивал и царь, пытливо и строго поглядывая на Ноя.

Вновь подал голос его спутник. Было ясно, что расспросы поручено вести ему.

— Но где? — он обвел вокруг рукой. — Где ты видишь следы гибели всего живого? Оглянись, старик: как цвела земля при наших отцах и отцах их отцов, так и цветет. Как жили жирафы, гиппопотамы, ящеры, овцы, цапли и стрекозы, так и теперь живут. Как вспахивали люди землю и собирали урожай хлеба, винограда, огурцов, чеснока, так и доныне. Где гибель, вырождение?

— Не в ту сторону зришь, — возразил Ной. — Вырождение и гибель прежде всего здесь, — он дотронулся ладонью до груди и лба, — в сердцах, в помыслах и беззаконных поступках.

— Это в чем ты видишь беззаконие? — настороженно спросил сановник.

Вновь зашептались в толпе зевак.

— Речь веду не о законах царства земного, установленных человеком, но о законах Царства Небесного, о законах Божьих.

— Где же они, те законы? — удивился царедворец. — Покажи нам! Ной покачал головой:

— Выходит, запамятовали. Потому беззаконий и не замечаем уже. А они, — старик повысил голос, — всюду!

И тут Ной заговорил звучно, одухотворенно, обращаясь ко всем.

— К примеру, как берете себе жен? Надоела одна — прогнал, взял другую. Приглянулась какая на стороне — и ту либо склонил, либо силой овладел ею. Юноши бесчестят дев. Да и девы иные — ровно и ждут того и уж не противятся. А разве не имеет кто-либо из вас и более одной жены? И не ходит ли тайно к чужим женам?

Громовой голос Ноя воцарился над притихшими людьми.

— Это ли не победа похоти над рассудком и не растление? А Бог наш, Яхве, так ли повелел? Разве двух Ев дал он Адаму или, может быть, семерых даровал ему жен?

Ной указал рукой на всадников слева от царя:

— А это что в руках у них?

Воины недоуменно взглянули на свои копьа.

— На что вам эти острые копьа — не для убийства ли? А кто научил вас этому — разве Бог? Быть может, скажете, не ведаем, кто такие каиниты? Дескать, запомнили мы о том, что Бог проклял и изгнал первого убийцу. И неужто никто не говорил нам никогда, что Господь, хотя и проклял землю за грех Каина, первого Адамова сына, но запретил убивать его кому бы то ни было, дабы первое на земле убийство не порождало бы новые убийства и дабы Каин к тому же служил живым назиданием и укором своего греха для всех? Знаем! Слышали! Из рода в род передается. Но не желаем в памяти держать. Потому что Бога забыли, Создателя, Вседержителя. А надеемся во всем только на самих себя. И сами же все решаем. Хотя и не ведаем, верно ли выйдет. А Бога не только забыли, но и предали. Кому иные поклоняются вокруг? Не каменным ли идолам? И не дошло ли до того, что в жертву им приносят иные уже и человеков? Но чему могут научить камни? Не тому ли, что надо надеяться во всем на себя, а не на Бога? Будто мы всеильны. И не тому ли они учат еще, что вроде позволено нам все, чего желается? Вот, приглянулся чей-то дом — могу отнять, а хозяев, если сопротивляться станут, убить. Приглянулась дева — могу взять силой, приглянулся где-то город... — Ной приостановился, взглянул на насупленное лицо царя и, слегка поколебавшись, все же закончил: — Отберем и город силой, хотя бы и пришлось перебить для этого его жителей!

Он сделал паузу, чтобы передохнуть, и стоял, упрямо задрав седую голову и держа на весу руку, призывавшую ко вниманию. Никто не шелохнулся и не молвил слова.

— Разве же Бог этому учил человекoв? — продолжал старик. — Разве Он не дал первым людям всю землю, которой достаточно для всех? И не велел ли Господь человекам возделывать землю, и разве заповедал Он, чтобы иные вместо этого грабили людей и захватывали чужие дома, города, земли, убивая при этом себе подобных? Будто все на земле принадлежит не Богу, а им, и словно они вправе распоряжаться жизнями прочих? Но кто они, эти

растлители, отбросившие закон жизни, данный Богом, и живущие по своему закону, грабители и убийцы? Разве они — не тот же прах, из которого создал Господь всех нас и их тоже? И не лучше ли было бы оставаться им прахом, нежели стать такими человеками? «Лучше», — решил Творец. Ибо не сможет Он смириться с тем, что творения вышли из повиновения Творцу и продолжают порочить небесный закон жизни, да и самого Создателя, вместо того чтобы своей жизнью прославлять Его и все творение.

Ной сокрушенно вздохнул:

— И вот увидел Бог: порок и вызванное им зло переполняют уже землю. И что нет на ней, почитай, ничего, кроме вседневного зла. И потому уничтожить все решил Бог водным потопом вместе со всем этим злом и со всем живым, что было сотворено для человека, — с печалью в голосе закончил старик и тихо склонил голову, как бы уже скорбя о мире, которому суждено погибнуть.

Недовольно засопев, вновь открыл рот вельможа:

— Много ты наговорил здесь всякого. К тому же и от имени Бога. Можно подумать, у тебя есть свидетели беседы с Ним.

Ной поднял голову:

— Свидетелей ищет сомневающийся.

Шевельнулся царь, метнул на Ноя гневный взгляд и, указав на старика перстом, сердито произнес:

— Мы видим теперь сами, что этот человек лишился рассудка. Можно ли поверить в какой-то всемирный потоп? В то, что Бог якобы желает уничтожить все на земле? Если все сотворил Он, то неужели для того, чтобы уничтожить?

Царь солидно огляделся.

— Этот участок земли твой, старик, знаю, и можешь строить на нем все, что тебе заблагорассудится.

Властелин издевательски усмехнулся:

— Но снам сумасшедших пусть верят сумасшедшие!

Хихикнул его царедворец, тут же засмеялись еще несколько приближенных царя, смех подхватили прочие всадники и зеваки. Он все разрастался, тот смех, а иные уже и хохотали во весь голос.

Посреди этого веселья все еще улыбавшийся, довольный собой царь указал рукой своему воинству: «В путь!» и тронул поводья.

Конники взмахнули плетками, стали разворачивать лошадей и, прищпоривая их, выстраиваться на ходу. Вслед за царской кавалькадой двинулись трусцой зеваки. Некоторые из них время от времени еще оглядывались и хохотали.

Грустно покачал головой Ной, глядя им вслед.

Когда конница выстроилась и набрала ход, сановник подскакал к царю.

— Позволь спросить, блистательный.

— Да, — разрешил царь.

— Отчего бы нам не схватить этого хулителя: в темнице ему некого было бы возмущать своей болтовней.

Царь поморщился:

— Слишком он на виду у всех.

Подумав, Убурратум снисходительно улыбнулся:

— Да и ошибкой это стало бы. Люди тогда подумают: значит, все, о чем он говорит, — истина и она угрожает-де царю.

— О мудрейший! — восхитился царедворец.

III

Всю ночь грохотало над ковчегом, что-то вспыхивало и барабанило по кровле струями воды. Никто не сомкнул глаз в беспокойном бдении. Едва рассвело и в жилье под крышей стали различаться стойки, нары-постели, стол и лавки, Ной вновь невольно устремился на лестницу. А за ним по другим лестницам полезли и сыновья. Но ничего нового они не увидели. Лишь темное всклокоченное небо сквозь струи все так же падавшей сверху воды. Все те же ослепительные голубые вспышки и убийственный грохот.

Ной мог лишь предполагать, что происходит снаружи. Наверняка сплошными потоками текут ручьи, заполняя каждую впадину.

Одни из них становятся лужей, другие — прудом, озерком. Все те, кто укрывались от стихии в палатках, во множестве расставленных вокруг ковчега, наверняка, обезумев от страха, бросили свои укрытия, не спасающие от воды, падающей сверху и бегущей по земле, и, укрывая руками головы, под грохот и сверканье сверху бросились в город.

О, эти палатки! Целый город из них, поставленных зеваками, возник в те несколько дней, в течение которых рабочие по широкому помосту возили на тележках в ковчег припасы: муку, крупу, сушеные фрукты, кувшины с маслом, мехи с вином, корма для скота и зверей.

А потом Ной с сыновьями и помощниками отбирали и запускали в ковчег по тому же помосту зверей, скот и птиц, во множестве сошедшихся и слетевшихся к ковчегу. Это было, пожалуй, самым диковинным зрелищем, на которое сбегались поглазеть едва ли не все горожане, да еще и жители окрестных селений. Одни дивились молча, кто в сомнении, а кто в жалости по отношению к Ною, другие выкрикивали насмешки: «А мы и не догадывались, что у нас здесь так много зверей, столь же сумасшедших, как этот старик!».

Когда все было внесено и все звери, скот и птицы, которые должны были войти, вошли, Ной с высоты помоста обратился к тем сотням, тысячам зевак, что сошлись поглазеть на «отплывающий посуху сундук»:

— Люди! — воззвал он ко всем. — Час близок. Все, кто желает, еще могут спастись. Войдите вместе со мной в этот ковчег, устроенный Самим Богом!»

Но никто и не пошевелился, хотя во взглядах иных Ной мог прочесть сомнение и даже сочувствие и едва ли не готовность ринуться в ковчег. Не согласились остаться с ним и рабочие, с которыми Ною пришлось расстаться. Некоторые из них уходили со слезами на глазах. Один из них, прощаясь, признался:

— Я тебе почти верю. Но ничего не могу с собой поделать: меня тянет туда, где все. А еще... трудно представить себе, что всех нас может постичь то, о чем ты толкуешь.

Ной долго ждал на помосте. Вошли в ковчег с пожитками жена его, три невестки, Сим, Иафет, Хам. Наконец, с тяжким вздохом окинув последним взглядом всю долину Поющего ручья с ее си-

ними холмами, зелеными виноградниками и рощами, все так же сверкающим ручьем, с безмятежным голубым небом над головой и мятежным народом, окружившим ковчег, Ной низко склонил голову и медленно вошел внутрь.

Откуда-то из-за персиковой рощи со свистом примчался вихрь, с воем пролетел над палатками и над головами толпы к ковчегу, и на глазах пораженных зевак огромная тяжелая дверь в борту сама собой с громким стуком захлопнулась. Да так, что не стало и заметно того места, где была она. Над толпой нависла тишина. Можно было лишь догадываться, что творилось в душах тех, кого привело в смятение увиденное: этот вихрь, самозакрывание двери...

А потом потянулись день за днем, в течение которых не происходило ничего. Обитатели ковчега сидели взаперти, зрители, увидев, что спустя и день, и два, и три все остается по-прежнему, вновь развеселились и, выкрикивая Ною «пожелания удачного плавания», разбрелись кто откуда пришел. Но самые терпеливые остались, и их, судя по доносившемуся в окна ковчега шуму, было не столь уж мало. Издевательские и насмешливые выкрики слышались в течение всего дня. Угомониться в своих палатках крикунов заставляла лишь ночь.

Это были те семь дней и ночей, по прошествии коих Бог, как Он открыл Ною, начнет изливать на землю дождь, который продолжится сорок дней и сорок ночей.

Всю эту неделю обитатели ковчега привыкали к своему новому необычному жилищу. Сыновей с невестками Ной поставил раздавать корм живности, обходя в течение дня все отсеки на всех трех ярусах-палубах, где были размещены звери, скот, птицы, пресмыкающиеся, земноводные. Все они вели себя смиренно, полностью отдавшись под покровительство людей. И это успокаивало Ноя. Хотя он старался не допустить до себя никаких сомнений в верности того, что делал по слову Божьему.

И вот — началось. Насколько все это начавшееся напугало поначалу Ноя, настолько же вскоре наполнило его душу отрадным спокойствием: жив Господь, обетования Его верны!

 IV

Три громоздкие повозки, в каждую из которых впряжено по два рыжих вола, двигались, скрипя колесами, по мягкой дороге, заросшей по краям густой травой. Закончились сады и виноградники, нескончаемо тянувшиеся по сторонам, открылись каменные и глиняные постройки, и вот телеги въехали на утоптанную копытами и колесами площадь перед городскими воротами.

У коновязей по краям площади там и тут стояли среди ломовых повозок легкие двуколки, небольшие тележки, перетапывались по сухому навозу лошади, ослы, волы. Скрип колес не мешал уху различить дробный перестук молотков ремесленников-медников, доносившийся из-за ворот, выкрики продавцов, рев ослов, собачий лай.

Дым костров вперемешку с запахом похлебки щекотал ноздри, навевая предвкушение отдыха, еды.

Передняя повозка, которой правил Ной, протянулась вдоль городской стены, объезжая стоянки, и съехала на прилегавшую к площади большую поляну. Здесь волы встали. Подъехав, остановились повозка Сима и третья, с которой резво соскочил смуглолицый кудрявый Фей, работник Ноя. Старик дал знак рукой — здесь стоять будем. Сим принялся распрягать волов, чтобы отвести их на водопой к ручью, а Фей уже стаскивал со своей повозки туго свернутые полотнища палатки. Ной достал флягу — высушенную тыкву, смыл водой из нее дорожную пыль с рук, лица и шеи, тщательно вытерся и, велев Фею сварить что-нибудь поесть, направился к городским воротам.

Пройдя по выложенной плоским камнем улице мимо богатых домов с тенистыми, увитыми зеленью верандами, с резными балюстрадами по краям кровель, он выбрался на торговую площадь, которая шумела сотнями голосов, выкриками торговцев, предлагавших свой товар.

— Лучшая бронза — у нас, в Бадгургурру, — вопил один из лавки, рядом с которой дымился вход в кузню. Оттуда доносился стук кузнечных молотов. Ной завернул к лавке. Завидя старика, хозяин поспешил навстречу.

— Чего желает душа почтенного приезжего гостя? — заученно заулыбался лавочник.

— Мир твоему дому. Мне нужны гвозди.

— Есть. Всякие, какие пожелаешь. Лучше и дешевле, чем у меня, не найти во всем Бадгургурру, не говоря уже о других землях, — словоохотливо тараторил хозяин. — Если не хватит тех, что есть, накуем сколько нужно. Каких тебе, почтенный, и сколько?

Ной извлек из заплечного мешка палочку — образец гвоздя, протянул лавочнику. Тот округлил глаза:

— Таких больших гвоздей я еще не видал. Но накуем. Сколько?

— Для начала — три воза.

— Три воза?! — от изумления и восторга лавочник даже присел. — А для чего же тебе столько огромных гвоздей, гость мой дорогой? Умру от любопытства, если не узнаю!

— Эх, — вздохнул Ной, — боюсь я, что когда узнаешь, то и пожалеешь о том, что узнал о таком страшном...

— О! О! — завопил лавочник в еще большем восторге. — Боюсь ли я чего-нибудь страшного? Хе-хе-хе. Эй, работнички, все сюда! Такого вы, верно, еще не слыхивали и не видывали! Скорее ко мне, и послушайте вместе со мной, войдите в удовольствие вашего господина!

Из дверей кузни показались с полдюжины оголенных по пояс лоснящихся от пота чумазных кузнецов. Еще двое работников высунулись из дверей лавки. На крик поспешили и несколько любопытных с площади.

— Что, что здесь показывают?

— Взгляните, какие огромные гвозди заказывает нам этот приезжий господин, да славится весь род его и да не оскудеет его дом! А знаете ли, для чего нужны такие гвозди? И я не знаю. Поведай же нам, пришелец счастливый, для чего тебе три воза таких гвоздей?

— Что ж, скажу, — улыбнулся Ной, — не держу в тайне, что затеял. Он оглядел собравшихся.

— Да будет вам известно, что жизнь наша с ее беззакониями не по нраву Богу Всемогущему. Переполнили чашу терпения Божьего преступления наши перед Ним и друг перед другом. Грехи наши покрыли уже всю землю и изуродовали нас самих, нашу природу, характер. Мы уже не только не такие, какими Господь Бог сотворил людей, но и вовсе приближаемся к вырождению. Это бесчестит Бога-Творца перед всей Вселенной. Потому-то Господь решил... — Ной тяжело вздохнул, — уничтожить всех вырождающихся от беззаконий, от грехов их. А это все люди, что населяют землю....

— Это... как уничтожить? — ошеломленно перебил лавочник.

— Как? А так: наведет потоп на землю, — продолжал Ной, — такой, от которого не сможет спастись никто — ни человек, ни зверь, ни птица.

Люди молчали, уставившись на Ноя, одни ошарашенно, другие с сомнением во взгляде. Подходили полюбопытствовать, что за сборище, все новые зеваки.

— Ты откуда взял все это? — недоверчиво проворчал хмурый сутулый кузнец.

Ной повернулся к нему:

— Сам Бог, Единый, Всемогущий, открыл мне это.

— А что еще открыл Он тебе, приезжий? — с неменьшим недоверием полюбопытствовал торговец металлом.

— То, что я должен построить огромный корабль — ковчег. Чтобы в нем могли спастись все те, кто доверяют Богу и готовы отказаться, отречься от нынешней такой своей жизни.

— Для этого и нужны тебе столь огромные гвозди?

— Да.

Один из подошедших с площади, судя по дороговому запыленному одеянию, заезжий купец, протиснулся поближе:

— Желая знать, а что Богу до нас — как мы живем? — недовольно спросил он.

— Не знаешь, видно, Бога, потому и спрашиваешь такое, — сказал Ной участливо.

— А ты все же ответь! — задиристо выкрикнул другой из подошедших, со связкой сушеного винограда на плече.

— Ужели вы не слышали, что сотворил нас, человеков, Господь по образу и подобию Своему? — удивленно промолвил Ной. — А раз так, может ли Он допустить, чтобы эти Его творения мало того, что утратили образ Божий, да еще своим греховным бытием бесчестили бы Его перед всей Вселенной? Ибо ведь Сам-то Господь праведен!

Не заметив во взглядах слушателей понимания, Ной указал рукою на небо.

— Взгляните на светила, на звезды ночью поглядите внимательно, на их точный ход изо дня в день и из года в год. Меняет ли Бог этот их ход? Отлучает ли нас Господь от тепла и света солнца, прекращает ли Он рост и плодородие всех произрастаний, коими мы и живем? Нет. Все это Он поддерживает в неизменности, не так ли? Не правда ли, торговый человек? — обратился Ной к лавочнику.

Тот неопределенно повел головой: «Вроде так».

— А ведь во всем этом мы как раз и видим Божью верность, правду Его и закон — нам в наставление. Чтобы жили верно, не грешили бы.

— А что ты называешь здесь грехом? — задиристо воскликнул парень с виноградной связкой. Было видно, что слушать ему очень интересно, но принять все слова Ноя за истину что-то мешало. Да и по виду остальных собравшихся можно было сказать то же

Взгляд Ноя то и дело останавливался на девочке лет тринадцати, что стояла в первом ряду. В невзрачной ветхой одежке, с синяками на лице она, сцепив кулачки, неотрывно глядела на старика глазами, полными слез.

— Не будем обманывать себя, будто не знаем, — терпеливо молвил Ной так, словно беседовал с детьми, желавшими вновь и вновь услышать ту же захватывающую историю, что не раз рассказывала им мать перед сном. — Кто не слышал о том, что Бог создал первого человека из праха земного и Сам вдунул в него дух жизни? Кто не знает об Эдеме, из коего изгнал Господь этого